

Янь Янь стоял молча. Он знал всё это. Се Линъюань был мёртв, и только он один знал, каким тот был при жизни, и только ему это было безразлично. Он чувствовал лишь раскаяние, вину и гнев. Жизнь была слишком счастливой, и это заставляло забыть о зле, о боли, но также и об опасности.

— Я пойду спасать его.

— Чиновник Инь, — остановил Хэлянь Янь Яня, который уже собирался уйти. — Я не знаю, что именно Се Линъюань сказал вам, чтобы вы так им увлеклись, что забыли о добре и зле. Но стоит ли он того, этот человек, совершивший столько злодеяний?

— Это не ваше дело, — холодно ответил Янь Янь. — Генерал Хэ, прощайте. Дальше сами разбирайтесь.

С этими словами он позвал Чи Сяо и устремился к городу Яо.

Город Яо.

Шум и суета, толпы людей, пыль, поднимающаяся на десять чжанов в высоту.

Хотя этот город также находился в Мобэе, его жители были искусны в торговле, обменивались товарами с иноземцами и тайно сговаривались с варварами. Поэтому даже в годы голода и войн здесь люди жили в достатке, не зная нужды.

Се Линъюань был продан сюда в девять лет, а в двенадцать потерял невинность. Именно тогда Янь Янь снова увидел его.

Прошло три года, и Янь Янь часто вспоминал те глаза. Он, привыкший к жестокости этого мира, давно должен был стать бесчувственным, но сам не понимал, почему не может забыть. С трудом сдерживаемое желание увидеть того ребёнка было разрушено протяжным криком Чи Сяо. Он почти с нетерпением создал барьер и наконец увидел того человека, но едва узнал его.

— Большой брат, мы снова встретились.

За три года он сильно изменился, черты лица стали более изящными, глаза по-прежнему глубокими и яркими, способными скрыть печаль. Только под глазами появилась красная родинка, яркая и бросающаяся в глаза.

Ребёнок держал в руках древнюю цитру и улыбался Янь Яню, но в его улыбке уже не было прежней наивности. Как бы он ни старался скрыть, в ней чувствовалась тень прожитых невзгод.

Ребёнок был ужасно худым, и Янь Янь понял, что он пережил немало страданий. Всё же он улыбнулся и легонько похлопал его по плечу:

— Эр Дань, как живешь?

Прикоснувшись к ране, ребёнок инстинктивно вздрогнул, но продолжал улыбаться:

— Хорошо. Большой брат, я научился писать, играть на цитре и петь. Я даже узнал своё имя — Се Линъюань.

— Се Линъюань?

— Да. Это единственное, что оставили мне мои родители. Бухгалтер сказал, что «юань» — это сокол, и это имя означает «парящий в небесах».

На лице ребёнка появилась гордая улыбка, словно смешное значение имени могло спасти его от жестокости реальности.

— Большой брат, это имя красивое?

Янь Янь мягко улыбнулся и кивнул:

— Красивое.

Но внезапно потянул ребёнка, и его тощая спина оказалась на виду, покрытая бесчисленными шрамами.

Разного рода шрамы, которые не оставляли следов, но были достаточно болезненными, чтобы заставить двенадцатилетнего ребёнка смириться.

Ребёнок испуганно отполз, стараясь прикрыть свою одежду, глаза наполнились слезами:

— Большой брат, ты тоже... ты тоже будешь делать со мной это?

Янь Янь бросился к нему, схватил за плечи и закричал:

— Что? Что за раны? Как ты их получил?

Ребёнок молчал, лишь крепче обхватив свои колени. Когда он боялся, он всегда так делал, думая, что если спрячется, то его никто не увидит.

Янь Янь пожалел о своей резкости, почувствовал непонятную даже ему самому боль. Он закрыл глаза, успокоился, снял свой плащ и накинул его на ребёнка, мягко сказав:

— Не бойся, я не причиню тебе вреда.

Ребёнок не сопротивлялся, но продолжал молчать, опустив голову.

Прошло некоторое время, и, услышав тишину вокруг, ребёнок осторожно поднял голову. Большого брата не было. Он огляделся, но Янь Яня нигде не было видно. Ребёнок снова опустил голову и прошептал:

— Опять ушел?

Несколько слез упали на его руки.

Внезапно в воздухе разлился аппетитный запах мяса. Ребёнок радостно поднял голову и увидел Янь Яня, который держал в руках бумажный пакет и с удивлением смотрел на него.

— Эр Дань, почему ты плачешь?

— Я... я думал, ты ушел.

Янь Янь растерялся и поспешно объяснил:

— Я пошел купить тебе еду, не плачь.

Он хотел похлопать ребёнка по спине, чтобы успокоить, но, вспомнив его реакцию, опустил руку.

— Вот, хочешь булочку?

— Да!

Ребёнок радостно кивнул, взял булочку, но потом вспомнил о чём-то:

— Большой брат, а ты ел?

Янь Янь улыбнулся:

— Мне не нужно есть. Это всё для тебя.

Ребёнок счастливо улыбнулся и начал жадно есть.

— Ешь медленнее, никто у тебя не отберет.

— Мама говорила, что если много есть, то растолстеешь, и тогда никто не будет слушать мои песни, и я умру с голоду. Поэтому мне нельзя много есть.

Ребёнок говорил с набитым ртом.

Сердце Янь Яня сжалось от боли, как никогда раньше.

— Эти раны... их нанесли они?

Ребёнок замолчал, словно вспомнив что-то неприятное, и снова опустил голову:

— Недавно я укусил одного важного господина... меня наказали...

Глаза Янь Яня мгновенно покраснели. Он сам не понимал, почему так разозлился. В этом мире угнетение и несправедливость были повсюду, и он сам совершал подобные злодеяния. У него не было права на гнев. Он напомнил себе, что этот ребёнок — просто несчастный мальчик, и он не должен сочувствовать ему, жалеть его или помогать. Всё это было его судьбой. Он был мастером масок, чиновником Инь, холодным и бесчувственным наблюдателем, и всегда должен был оставаться таким.

Янь Янь окаменел, успокоился и снова положил руку на голову ребёнка, но голос его стал равнодушным:

— Зачем ты позвал меня?

Ребёнок удивлённо посмотрел на него, с дрожью в голосе сказал:

— Большой брат, ты тоже... ты меня ненавидишь?

— Конечно нет!

Он вздохнул, чувствуя себя растерянным, присел перед ребёнком и попытался говорить мягко и убедительно:

— Ты не должен зависеть от меня и думать, что я буду к тебе хорошо относиться, потому что я

не буду. И ты забудешь меня, это бессмысленно, понимаешь?

Ребёнок смотрел на него с недоумением, но послушно кивнул. Эти невинные глаза заставили Янь Яня почувствовать себя ещё более растерянным и даже униженным.

Он слегка кашлянул:

— Ну, время подошло, ты поел? Если да, то давай займёмся делом.

— Поел, — послушно ответил ребёнок.

— Тогда скажи, что нужно сделать?

— Я... скоро буду принимать гостей.

Ребёнок посмотрел на него.

— Я уже несколько раз принимал, но я... я не хочу...

Он встал и осторожно потянул за рукав Янь Яня:

— Большой брат, я хочу, чтобы эти господа были довольны, я больше не хочу, чтобы меня били...

Янь Янь стоял, не зная, что сказать. Утешения были бесполезны, а возмущение — лицемерием. В любом случае, он чувствовал себя ужасным человеком. Ему предстояло лицемерно и лживо общаться с этим неопытным ребёнком. Люди в аду никогда не могли избавиться от врождённого зла, у них даже не было права на сопротивление, и в итоге они могли только сказать одно слово:

— Хорошо.

Ребёнок улыбнулся:

— Спасибо, большой брат.

Янь Янь не хотел уходить. Ребёнок медленно открыл глаза:

— Чиновник Инь, ты ещё не ушёл?

Янь Янь удивлённо посмотрел на него и горько усмехнулся:

— Больше не называешь меня большим братом?

— Нет. Между нами слишком большая разница, Линъюань не может с тобой сравниться.

Сердце Янь Яня словно опустело, но он продолжал держаться:

— Ты обижаешься на меня?

Се Линъюань улыбнулся:

— Нет. За что мне тебя ненавидеть? Ты сказал, что я тебя забуду. Ты хорошо ко мне относился, но разве это изменило мой путь? Смотри, я выжил, научился играть на цитре, разве это не хорошо? Нужно быть благодарным, правда?

— Правда...

Янь Янь почувствовал горечь в горле, но разве не этого он хотел? Больше не заботиться, только отношения между чиновником Инь и мастером масок, очистить всё, взаимная необходимость, без чувств.

<http://bllate.org/book/15548/1413641>